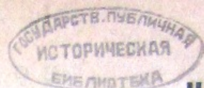
129 р. 130 р. 30/IX

1-й экз.

МАРТ. МОСКВА.—1920 г. Ц. 5 р.

№ 4-й. „ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ“ № 4-й.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ.

СОДЕРЖАНИЕ: Об Анархии II. *А. Карелин.*—Рахиль. *Ольга Приморская.*—Вольный город. *Василий Буслаев.*—Черное знамя. *Теплов.*—М. Метерлинк о частной собственности.—На злобу дня. *А. Аринов.*—Последнее стихотворение товарища Бориса Верхнеустинского.— Если победит буржуазия...—От секретариата.—Извещение.—Библиографический указатель.

335.8 (47) (05) „1920“

ОБ АНАРХИИ.

II.

Из первобытных насильников—захватчиков добычи, женщин, потом мужчин и земли—появились впоследствии правители. Появились патриархи, старшины, вожди, князья, цари и т. д. и т. д.

Все это насильники-правители, вторгнувшиеся в мирное общежитие равных и свободных людей. Все они—всегда, но без чего либо похожего на серьезное основание,—выдавали себя за организаторов без них сложившегося общежития; все они утверждали, что без них не мыслимо существование общества и все лгали. Рабовладельцы утверждали, что без них рабы перестанут работать и перемрут с голода, но люди жили счастливее до появления рабовладельцев, а после уничтожения рабства опять таки жили счастливее и лучше, чем при господах. Крепостники всегда утверждали, что без них крепостные сопьются, разлентяйничаются и погибнут, но... освобождались крестьяне, работали так энергично, как никогда не работали при господах и их положение улучшалось, пока им на шею не садились новые господа.

Ту же скучную песню слышим мы теперь от буржуазии и от правительств:—„погибнет без нас общество. Не с‘умеют прожить без нас люди. Разбредутся, как овцы без пастыря“. Конечно, не погибнем, а только впервые узнаем, что называется счастьем. Всегда существовали и всегда будут существовать биологические и экономические причины, которые сплачивали и будут сплачивать людей в общежития. Всегда существовали и будут существовать условия, которые заставляли и будут заставлять людей работать и стремиться к лучшему.

Правители создали учреждения постоянного насилия и учреждения постоянного лицемерия—войско, полицию, тюрьмы, суд, свои школы, свою печать, свою церковь и пр. Государство, это—общество, часть членов которого, хорошо организованная и опирающаяся на учреждения насилия и лицемерия, правит так, как хочет и как может, плохо организованной или вовсе не организованной частью общежития.

Правители создали невероятно тяжелые условия для существования подданных, они выжимали из последних все, что могли для того, чтобы составить свое благосостояние. Государства, как чего то отдельного от правителей, не существует.

129 р.

Говоря слово „государство" мы говорим тем самым „правители", наличность которых предполагает подданных. По словам Л. Н. Толстого, государство, это—„собрание одних людей, насилующих других". По словам Э. Реклю, государство, это—собрание людей, которым „предоставлены высшие должности, больше власти и больше содержания, чем остальным их согражданам".

Интересно, что ученые не анархисты, как, например, известные государствоведы Дюги и Иеллинек в сущности склоняются к тому же взгляду. Иеллинек указывает, что „государство может существовать лишь через посредство своих органов; если его мыслить без них, то остается не государство, как носитель своих органов, а юридическое ничто". Говоря о государстве, Дюги указывает, что „в действительности, существуют лишь органы, то-есть, люди, которые налагают на других людей свою волю и делают это силою материального принуждения". Государство, это—правители. Государство—это „господство сильных".

Вся деятельность правителей полезна только для них самих и вредна для других жителей. „Но неужели все обманывались до сих пор?" „Ведь все считали правительство полезным и необходимым учреждением, иначе оно не существовало бы". Но из того, например, что существуют разбойники, вовсе не следует что разбойники полезны и необходимы. Мало этого, далеко не все считали правительство полезным учреждением. Прежде всего, не были обмануты мы—анархисты,—считающие правительство вредным и ненужным. Мы—не одни, к тому же. По свидетельству такого зоркого наблюдателя, как Л. Н. Толстой, наши взгляды разделяет весь русский народ, кроме ничтожной его части. В декабре 1899-го года Л. Н. Толстой писал:—„несомненно одно: то, что в настоящее время русский народ, настоящий русский народ, вследствии совершенных и совершаемых над ним преступлений, потерял не только уважение к своему правительству, но и веру в необходимость какого бы то ни было правительства". „Мы, русские, теперь в огромном большинстве своем, всем существом своим сознаем и чувствуем что все государственное устройство, которое держит, угнетает и развращает нас, нам не только не нужно, но есть нечто враждебное, отвратительное и совершенно излишнее, ни на что не нужное".

Человечество знало обманы, длившиеся веками и тысячелетиями. Сотни лет люди верили, что на горе Олимпе сидят, пьют, едят, хохочут и правят людьми боги. Тысячелетиями верили египтяне, что Озирис, Тифон и другие боги внемлят их молитвам, что бык „Апис"—бог...

Мало ли каким нелепостям в течении веков и тысячелетий верили люди, верили так, что рады были сжечь того, кто утверждал, что солнце не ходит вокруг земли.

И в наше время люди верят в то, что правительство необходимо, верят даже в то, что может существовать хорошее правительство.

Что же является скрепой общества? Чем оно держится, если не законами-приказами правительства?

Чем держится все мироздание? Почему не рассыпались, не смешались в диком хаосе гармонические хоры звезд и планет? Люди думали, что власть—веление „великого зодчего"—бога—

бросила эти гигантские огненные и холодные шары в бесконечное пространство и указала каждому из них определенный путь. В наше время стало понятным, что они сами собою пришли в состояние равновесия, что всемирное тяготение оказывается ничем иным, как равнодействующей движений бесконечно малых—колебаний атомов,—наполняющих собой пространство вселенной.

Солидарность, которая в значительной степени является результатом общности происхождения, создается тождественностью физической и психической структуры является скрепой общежития. Не смотря на вносимый властью раздор, она не даст человечеству распасться ни на мельчайшие частицы, не позволит ему обратиться в людскую пыль. Стремление к кооперации и взаимопомощь—вот что об'единяет человечество. Из всей истории человечества мы знаем, что человек нормальный, всесторонний, не поглощенный хищнической деятельностью, не истощенный паразитизмом, стремится помогать себе подобным. Это стремление вытекает из естественного закона, по которому взаимопомощь в пределах вида, а иногда и нескольких видов, является могучим фактором в деле создания лучшей жизни, как для вида, так и для личностей его составляющих. Людям свойственно пользоваться всеми приемами деятельности, могущими улучшить их жизнь (свойственно в том смысле, в каком растению свойственно тянуться к солнцу) и взаимопомощь в значительной степени определяет деятельность человека. На основе взаимопомощи слагается и крепнет общежитие. Развивая взаимопомощь до ее логического конца, люди создадут анархо-коммунистическое общежитие. Взаимопомощь, это—такая деятельность, которая стремится поставить другого члена вида в лучшее положение, чем то, в котором он находится, стремится приблизить его к положению того, кто оказывает ему помощь (кормлю голодного для того, чтобы он был сыт, как сыт и я) и в конечном счете, так как каждый член вида стремится помочь другому члену, взаимопомощь, это—осуществление равенства.

Нечего и останавливаться на том, что анархисты стремятся к равенству, а не к шаблону. Важно, чтобы всякий человек чувствовал свои потребности удовлетворенными, при чем совершенно не важно, что взрослый или большой человек с'ест больше хлеба или возьмет больше сукна на одежду, чем ребенок или человек маленького роста.

Анархическое общество возможно лишь в том случае, если люди перестанут облекать других людей властью для того, чтобы эти властители устраивали дела подвластных. Всякое дело должно выполняться не так, как приказал делать это правитель, а так, как считают это нужным и полезным те люди, которые решили сделать его. Можно, конечно, выбирать людей для того, чтобы они выполнили поручения своих избирателей, но такие выборные люди, так же, как их с'езды и советы, могут быть только исполнителями данных им поручений, могут быть и советниками, но отнюдь не могут располагать принудительной властью.

Жители каждого дома, каждой улицы, городского квартала, района или целого города, жители каждого села, каждой деревни, союзы жителей этих населенных мест, так же, как и рабочие промышленных и всевозможных других предприятий будут сами

решать все те дела, по поводу которых им надо столковаться. Если не состоится единогласного решения, то, как большинство, так и меньшинство, устроят свои дела так, как пожелают, но, конечно, в границах вольных городов и селений не будет места для эксплуатации или угнетения человека человеком.

Всевозможные союзы, клубы, общества, лиги, самые разнообразные организации будут возникать в анархических городах и селениях и с'организовавшиеся в них люди будут добиваться осуществления тех или других целей.

Основным не писанным, а обычным или договорным правом будущего анархического общежития будет старо-русское правило —„вольным—воля“ и в этом общежитии все будут свободны.

Только сам народ, в своих вольных народоправствах, в своих вольных союзах, может выковать свое счастье, обходясь без всякой, хотя бы и социалистической власти, не нуждаясь ни в частном, ни в государственном капитализме, надеясь только на свои силы, самодеятельностью, народ добьется воли и счастья.

А. Карелин.

РАХИЛЬ.

(Посвящено В. С. Хольцман).

Было тихо кругом. Шумный город дремал
Под покровом задумчивой ночи.
Лишь один отдаленный еврейский квартал
Не сомкнул утомленные очи.
Там белели неясно, во мгле, кое-где,
На воротах зловещие знаки,
И, как будто, навстречу великой беде
Завывали цепные собаки...
Там, в еврейских домах, чуть мерцали огни,
Утомленные люди не спали
И пугались зловещей ночной тишины,
И чего-то ужасного ждали...
Здесь дрожащая мать утешала детей,
Там с лицом, искаженным от муки,
Молодой и красивый, как демон, еврей,
Обезумев, ломал свои руки:
— «О, Рахиль, как в далекие, светлые дни,
«Дай забвенье своею любовью,—
«Ведь минута близка,—скоро придут они,
«Все сожгут и забрызгают кровью...
«О, скорее, Рахиль, близок час роковой,—
«Смерть раскрыла зловещие крылья
«И сверкает своей отточенной косой,
«И во тьме притаилось насилье»...
Молодая Рахиль, побледнев, как форфор,
Поцелуем его обжигает,
И горит в темноте гордо вспыхнувший взор,
И ненавистью дикой сверкает.
И она говорит: «Мой любимый Давид,
«Я без страха к ним первая выйду,

«Посмотри: мой кинжал, как червонец, горит,
«Он не даст моих братьев в обиду...
«Я—еврейка душой,—мне обидно терпеть,
«Что страдают несчастные братья,—
«Я люблю мой народ, и хочу умереть,
«Посылая убийцам проклятья»..
Там, вдали, тишина. Сонный город молчит,
Там проносится рой сновидений,
Но в ночной тишине что-то тихо звенит,—
Тихо крадутся страшные тени...
Чу... Отчаянный вопль прозвучал в тишине...
Стоны женщин, детей и смятенье...
«Смерть проклятым жидам. Пусть идут к сатане»..
— Это страшный призыв к избиенью...
— «Зажигай их дома. Ничеге не жалей!
«Нет пощады жиду-лицемеру!
«Бей проклятый народ! Истребляй их детей!
«Защитим православную веру!»...
Загорелись дома. Льется кровь по земле.
Где-то сдавленный стон раздается.
В озаренной пожаром ночной полумгле
Белый пух, как снежинки, несется...
Черной злобою дышет погромная рать,
Запах крови ее опьяняет,
И ее забавляет, как бедная мать
Над убитым ребенком рыдает...
Кто-то, стройный, высокий, лежит у крыльца
Разоренного дома Рахили,
И залитое кровью лицо мертвеца
Шелковистые кудри обвили.
Это первая жертва—красавец-Давид,
И над ним под густым покрывалом
Молодая Рахиль неподвижно стоит,
Угрожая кому-то кинжалом...
Детский плач и проклятья, и стоны кругом,
А толпа раз‘яренных злодеев
Продолжает насилье и гнусный погром,
Избивая невинных евреев.
Разгораясь огонь все сильней и сильней,
Сыплет искр золотых мириады...
Снова крики, рыданья и плач матерей,
И напрасные вопли пощады...
Полумертвый седой изможденный старик
Закрывает собою ребенка,
Но в толпе раздается отчаянный крик:
«Смерть жиду. Сжечь живого жиденка!»...
Бедный крошка, упав на горящую дверь,
Скрылся в пламени с жалобным криком...
А толпа завывала, как бешеный зверь,
И шумели в безумии диком...
Свет пожара боролся с предутренней мглой,
И звезда за звездой исчезала,
Зарумянилось небо воздушной зарей,
И нарядное солнышко встало.

Спящий город проснулся и снова шумит,
Снова жизнь, суета и движенье.
Лишь еврейский квартал не проснулся и спит,
И нескоро его пробужденье...
Там, среди обгорелых развалин домов,
В крепком сне разметалися люди,
И ничто не тревожит покой мертвецов,
И не дышат их мертвые груди...
Серый дым поднимается длинной змеей
И несется, клубясь, над пожаром,
И среди мертвецов бродит тенью живой
Молодая еврейка с кинжалом.
Как-то страшно блуждает растерянный взгляд,
Сорвалось с головы покрывало,
И забрызгался кровью атласный наряд,
И Рахиль сумасшедшею стала...
Поднимая высоко блестящий кинжал,
На борьбу милых братьев сзывает,
Но молчит разоренный еврейский квартал,
И лишь ветер вдали завывает...

Ольга Приморская.

ВОЛЬНЫЕ ГОРОДА.

Люди занимаются разнообразными делами. Жизнь так или иначе складывается в зависимости от работы на удовлетворение материальных и не материальных потребностей человечества.

В строительство этой жизни зачастую врывается приказ поддерживаемый более или менее грубым, более или менее ужасным насилием. Тогда проявления жизни уродуются: она складывается и под влиянием приказа—не так, как сложилась бы при естественном ходе дел.

В Вольном Городе приказа нет. Нет той силы, которая дает одним людям возможность приказывать другим людям: нет учреждений для насилия, нет принудительной власти, нет «капитала».

Люди сами устраивают свои дела, никому не поручая их. Сами себя люди Вольного Города не обманут; сами себя они не будут эксплуатировать. Свои дела люди сумеют делать лучше кого либо, за них старающегося, особенно лучше чиновников, воображающих, что они все умеют делать, а, в срщности, никогда ничего хорошего и умного не делающих.

Люди, сами устраивающие свои дела, всегда живут лучше, чем люди, дела которых устраивают чужие люди, хотя бы этими устроителями и были начальники, желающие облагодетельствовать своих подданных.

Люди имеют право устраивать свои дела так, как хотят и, если это право отнимается у них начальниками и чиновниками, то во всяком случае к большой невыгоде людей.

Самоустройство, самоуправление, в самом широком смысле этого слова, считается нами основным устоем Вольного Города. Вторым его устоем, которого не знали буржуазные государства и социалистические республики России и Германии, является

полная свобода всех граждан и любого гражданина. Жителям Вольного Города, по примеру средне-вековых коммун, придется об'единиться для того, «чтобы не позволить кому бы то ни было обращаться с собой, как с рабами и защищать друг друга от всякого произвола». (П. А. Кропоткин. Речи бунтовщика). Вольный Город не боится свободы своих граждан, как боятся ее все государства. Каждый гражданин может говорить и печатать в Вольном Городе все, что хочет. Все жители могут устраивать какие им угодно собрания и союзы. В Вольном Городе свобода не знает ограничений, потому что является действительной, не мнимой только свободой.

Третьим устоем нового общежития явится единение, содружество, артельность, соборность, «согласие», взаимопомощь и величайшая терпимость. Наконец, безвластие, это—четвертый и едва ли не важнейший устой Вольного Города.

При наличности безвластия, — когда власть и воля будут общим достоянием, когда не будет привелигированной группы насильников, не будет людей, отнимающих у других людей свободу,—тогда мыслим и переход в общее достояние земли, капитала, средств образования и лечения.

Наряду с этим, необходимо отметить, что вольные города тогда будут сильны и устойчивы, когда они организуются на коммунистических началах. Иначе борьба бедных с богатыми убьет Вольный Город.

Кто войдет в город для того, чтобы жить и работать в нем, тот тем самым получит все права гражданина и будет, если пожелает, участвовать в обсуждении и решении всех общественных дел. Выход и от'езд из города, так же как и в'езд в город будут совершенно свободными.

Только с того времени, когда будут взяты в общее достояние все земли, все источники сырых материалов, весь торговый, промышленный, перевозочный, ссудный и прокатный капитал, когда будут переданы в общее достояние все средства образования, все средства лечения, когда все желающие иметь оружие для защиты против эксплуататоров и угнетателей, получат его, только тогда, когда исчезнет обирающее народ и его порабощающее начальство и люди, по своему почину, не дожидаясь властных распоряжений, будут устраивать свою жизнь,—только тогда освободится трудовой народ и организует свою жизнь, в том числе производство и потребление, на вольных социалистических началах.

Вольный Город будет заведывать всеми своими делами, а не только теми, которыми позволяет заведывать современное государство разным местностям и городам, не только теми, которыми заведуют местные самоуправления нашего времени. Вольный Город будет заведывать всеми своими доходами и расходами, ни у кого не спрашивая на это разрешения и не платя дани (податей) так называемому центральному правительству страны.

Возможно, что Вольные Города образуют между собою союз тогда, когда центральное правительство будет уничтожено. Но возможно, что 20—30-ть крупнейших городов с их округами

об'явят себя независимыми Коммунами, Вольными Городами и при наличности центрального правительства. В обоих случаях такие города об'единятся и с сельскими вольными поселениями.

Независимость от центрального правительства (если таковое существует в стране) выражается в недопущении в Вольный Город правительственной армии, правительственной полиции, правительственных чиновников, в том числе и судей. Независимость проявляется и в том, что все издаваемые центральным правительством законы рассматриваются жителями Вольного Города, как советы, которые Вольный Город может целиком принять или целиком отвергнуть, в которые Вольный Город волен внести поправки, какие угодно будет сделать его жителям. Если Вольный Город будет анархическим общежитием, то в этом случае немыслимы, конечно, какие бы то ни было законы: мыслимы только договоры между гражданами, мыслимы советы инициативных групп, советы не имеющие за собой принудительной силы.

Все дела жители Вольного Города делают так, как сами желают и могут их делать при чем обычное и вольное договорное право такого города не допустит угнетения и эксплуатации человека человеком. Если потребуется выполнить какое либо общее дело, то все заинтересованные в нем люди могут обсуждать его, принять участие в решении вопроса, делать или не делать его и как именно делать.

Так как Вольный Город не допустит в свои пределы чиновников, т.-е., лиц, повинующихся приказам выше их поставленных людей и приказывающих людям, ниже их поставленных, то все без исключения дела, затрагивающие общие интересы будут обсуждаться и решаться самими жителями города. Общеполитические вопросы (вопросы общественной жизни, затрагивающей интересы всех горожан) будут рассматриваться на сходах квартирантов больших домов, на сходах жителей улиц, на сходах небольших и больших районов (концов, сторон, частей города и т. д.) и, наконец, на сходе жителей всего города, если город не велик.

В городе будут существовать всевозможные организации и учреждения, которые по своему почину и желанию устроят жители города. Будут существовать в городе разные союзы, федерации, всевозможные общества, в том числе и ученые, братства, лиги, клубы, гильдии, артели, коммуны, содружества, кооперативы, корпорации, всевозможные об'единения: школьные, библиотечные, театральные фабричные, заводские, домовые, издательские, учительские и прочие. Люди будут организовываться, как хотят и как могут.

Каждая организация будет обсуждать и решать на сходе своих членов все свои дела, а, если дела будут затрагивать интересы всего города, то они будут обсуждаться на сходах горожан.

В средневековых городах, свобода и самодеятельность которых погибла под тлетворным влиянием государства и богачей, каждый житель решал «самостоятельно все вопросы, касающиеся не только ремесла или торговли, но и тех отраслей общественной жизни, которые позже вошли в ведение государства: обуче-

ние, санитарные меры, уголовные и гражданские дела, военная защита страны». (П. А. Кропоткин. Речи бунтовщика, стр. 88).

Сходы производителей будут обсуждать вопросы, относящиеся к производству; сходы потребителей—вопросы о распределении и о заказах продуктов; сходы специалистов—вопросы, относящиеся к их специальностям.

На сход приходят все желающие совещаться о своих делах. В случае разногласия, образуется большинство и меньшинство или сход делится на две равные части.

В этом случае большинство и меньшинство, а также и равные части схода, поступают так, как хотят. Вольным — воля. Тем не менее, желательным считается соглашение всех членов схода.

В случае надобности, сходы будут выбирать исполнителей своих поручений, своих наказов из числа специалистов или просто из числа подходящих людей. Эти люди, являясь простыми исполнителями данных им поручений, не будут располагать принудительной властью, будут контролироваться избирателями и в любой момент могут быть отозваны с того поста, на который они были выбраны. На своих постах, раз последние не носят характера профессиональных постов, выбранные люди не будут оставляемы на долгое время. Наконец, эти выборные будут пользоваться таким же доходом, как и любой житель Вольного Города.

Любопытно, что Лефрансе (коммунар Парижа) говорил о комитетах таких исполнителей. Он говорил о необходимости устроить «нечто вроде комитета, исключительно выполняющего решения, принятые в народных собраниях различных кварталов Парижа, непосредственно высказывавшихся по всем вопросам, каковы бы они ни были: — политические, военные, административные и экономические».

В Вольном Городе не будет государственной (или какой-либо другой) принудительной власти. Власть в Вольном Городе— общее достояние. Она принадлежит всем, а следовательно, не принадлежит никому в частности.

До тех пор, пока жителям Вольного Города будет угрожать нападение не организованных на анархических началах общежитий, (нападения государств), до тех пор Вольному Городу придется иметь свою армию «армию самообороны». Основой этой армии будут добровольческие кадры. Добровольцы будут изучать военное дело в специальных училищах. Они будут следить за всеми изобретениями в области уничтожения людей людьми. Помимо добровольческих отрядов, Вольный Город будет иметь свою милицию, понимая под этим словом не полицию, а городскую армию, в которую войдут все здоровые граждане в возрасте от 17 до 45 лет, а желающие и в более пожилом возрасте. Командный состав этой армии дастся в большинстве случаев добровольческой армией, но наряду с ним будет существовать и институт городских военных комиссаров, выбранных всеми милиционерами. Комиссары могут быть сменяемы милицией в любое время, а комиссары могут в любое время сменить командиров, при чем комиссары будут давать подробно мотивированный отчет о таких сменах, как милиции, так и городу.

Существование милиции обусловливается наличностью договора граждан Вольного Города, понимающих, что до повсеместного торжества анархии необходима и военная самозащита анархистов. Конечно, Город может допустить в свои пределы и анархистов, не признающих военной службы ни при каких обстоятельствах, но он может предложить таким гражданом, перелагающим военную защиту анархического общежития на плечи товарищей, устроиться где либо в другом месте; возможно, что им предложат работу в красном кресте.

Войско Вольного Города явится частью войска федеративного союза Вольных Городов и Вольных Селений, явится частью войска, защищающего все анархические общежития.

Как будет устроена милиция, это—вопрос, который будет решен в свое время жителями Вольных Городов. Возможно, что некоторыми Городами будет принята и такая система организации милиции, при которой всякий рабочий союз, всякое другое об'единение будут иметь свою милицию и эти милиции, как отдельные отряды, будут входить в общегородскую милицию.

Василий Буслаев.

(Окончание в следующем №).

ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ.

Черное знамя, свободное Знамя,
Знамя восставших рабов,
Отблеск янтарный, анархии пламя,
Дар миновавших веков.

На баррикадах политое кровью
Ты трепетало в решительный час;
Будешь поднято народной любовью
Дело трудящихся масс.

Золотом буквы напишем на знамени:
Слово «Анархия» будет на нем,
Буквы отлитые золотом в пламени
Пусть засверкают огнем.

Кровью заплатим своей за свободу,
Знамя поднимем смелей,
Клич угнетенному крикнем народу:
Гей! Поднимайся скорей!

Стройно идите, как будто к параду,
В руку возьмите ружье.
На баррикаду! На баррикаду!
Там завоюете право свое!

Черное знамя развейся над нами,
Знамя восставших рабов
Отблеск янтарный, анархии пламя
Дар миновавших веков.

Теплов.

М. Метерлинк о частной собственности.

«Крайнее мнение требует немедленного полного действия, уничтожения собственности... Мы не знаем, как эти требования будут реализированы. Но мы можем быть уверены, что весьма простые обстоятельства в один прекрасный день, сделают эти требования самыми обыкновенными, такими же естественными, как требование уничтожения первородства и привилегий дворянства».

НА ЗЛОБУ ДНЯ.

Шестой год ведется Россией война и хозяйственная разруха ощущается более, чем болезненно. Все усилия многочисленного персонала советских служащих наладить дело производства товаров и обмен с крестьянством, на дали желательных результатов. Это об'ясняется не столько органической неспособностью чиновничества справляться с обыденными даже экономическими задачами, сколько и, при том главным образом, созданным войною ненормальным положением промышленности: нельзя достать из охваченных белогвардейским востанием местностей топлива и материалов, нельзя доставить в места потребления необходимые продукты.

Нет сомнения, что после окончания военных действий много легче будет достать материалы и топливо, легче будет доставить их благодаря чему хозяйство, хотя бы и чиновничьего типа, даст значительно больше продуктов, чем в настоящее время.

Весь вопрос в том, скоро ли кончится война с белогвардейскими силами.

Второй не менее важный вопрос, это вопрос о том, скоро или через значительный промежуток времени, кончится та блокада, на которую обрекли Россию буржуазные правительства Запада.

На всех фронтах войска советской республики одержали в последнее время победу. Очень возможно, что западные державы откажутся помогать своими средствами и финансами контр'-революционным выступлениям. Тогда гражданская война прекратится в России. Ожидать же нападения на нас западных держав нет серьезных оснований, во первых потому, что и на западе возможна социальная революция, а, во вторых, потому, что и без такой революции западные народы слишком устали, слишком утомлены войной, для того, чтобы вести войну наступательную. Помимо этого, такая война грозила бы ослаблением начавшей ее державы и относительным усилением враждебных этой державе государств.

Мы не можем сказать с полной достоверностью, вспыхнет или не вспыхнет революция на западе. Самые проницательные люди ошибались, пытаясь делать такие предсказания. Ошибались люди, указывавшие на полную невозможность первой французской революции чуть ли не накануне этого переворота.

Ошибался Токвиль, не догадываясь о приближении революции 1848 года, ошибался Герцен, говоря в конце 1847 года о невозможности революционной вспышки во Франции того времени. Ошибался Бакунин, говоря осенью 1869 года все о той же невозможности революции в Париже и во Франции.

Надо надеяться, что ошибаются и те господа, которые утверждают, что рабочие массы западной Европы удовлетворятся подачками, бросаемыми им ныне насторожившейся буржуазией. Надо надеяться, что пример России окажется достаточно убедительным для того, чтобы рабочие массы запада сбросили со своих плеч лицемерное рабство, навязанное им силой и хитростью правящих классов.

Но нельзя не согласиться и с тем, что рабочим западной Европы, Французским рабочим, например, труднее поднять революцию, чем рабочим России, сделавшим ее осенью 1917 года. Во Франции давящие классы почти так же сильны, как классы угнетенные. Дело не только в чиновниках, которых вовсе не так мало, как это думают (во Франции их около миллиона, не считая железнодорожных служащих и служащих почт и телеграфов), но и в тех классах общества, которым выгоден властный, признающий частную собственность современный общественный строй. Эти классы очень многочисленны во Франции и прекрасно организованы своей «государственной организацией». По статистическим данным во Франции насчитывалось в текущем столетии 12.689.045 наемных рабочих и 7.026.030 хозяев. Даже в индустрии один хозяин приходится на 4,4 рабочих, причем против этих рабочих стоит еще (вместе с ними сосчитанная) группа враждебных рабочим мастеров-надсмотрщиков, для которых современный строй представляется более выгодным, чем строй социалистический или анархический. В земледелии, лесоводстве, рыболовстве, торговле хозяев больше, чем наемных рабочих. Таким образом во Франции нет громадного перевеса работающего класса над буржуазией.

Надо далее принимать во внимание, что «давящие» (выражение Л. Н. Толстого) классы дают во Франции офицеров и генералов армии, что «хозяева» составляют около двух пятых всей численности солдат и поэтому эта армия опаснее для рабочих армии, громадное большинство которой состоит из эксплуатируемых тружеников. Помимо этого, Французская буржуазия не дурно об'единена разнообразными союзами.

Тем не менее, Французские рабочие могут восстать и ниспровергнуть устои буржуазного строя. К ним может присоединиться и бедная интеллигенция, которая тоже эксплуатируется буржуазией. Революции делаются сравнительно небольшими группами решительных людей и в таких людях нет недостатка во Франции.

Допустим даже, что положение рабочего класса улучшится после войны, что нанесенные ею раны быстро заживут, что буржуазия сделает ряд уступок рабочему классу и что положение его несколько улучшится и все таки из всего этого нельзя будет сделать вывода, что рабочий класс Франции неизбежно откажется, при этих условиях, от революции. История учит, что революции вспыхивали и тогда, когда экономическое положение

народа ухудшалось и тогда, когда оно улучшалось. При наличности полной даже «сытости», революция — восстание может вспыхнуть потому, например, что рабочие догадаются о том обмане, который предподносит им под именем свободы разновидность рабства. Рабочие могут восстать и потому, что сознают всю несправедливость неравенства, в распределении благ, хотя на всех присутственных местах республики и написано слово «равенство». Возможно, что умные французские рабочие поймут, что им не нужны и руководители, что они справятся своими силами с экономической и политической жизнью страны и тогда восстание против буржуазии и чиновничества, тогда социальная революция вспыхнет, несмотря на некоторое улучшение их материального положения. Недостаточное удовлетворение высших потребностей, таких, например, как потребность в свободе, в действительном равенстве, в свободной самодеятельности, могут бросить рабочие массы на восстание с такой же, если небольшей силой, чем недостаточное удовлетворение материальных потребностей.

Но допустим на минуту самое плохое, допустим, что рабочие Франции и других стран предпочтут революции тот покой, который даст им мирное время, предположим, что они будут надеяться на выборы депутатов-социалистов, которые якобы освободят их, но и в этом случае нам кажется, что русская революция отнюдь не обречена на гибель, так как Россия, располагая богатствами Сибири и Донской области, может обойтись и без иностранных товаров, вывозимых из заграницы. В ее пределах достаточно сырья и рабочей силы. А, помимо этого, рано или поздно, буржуазия некоторых западных стран, желая получить от нас сырье, пойдет на уступки и начнет торговать с нами, ввозя в Россию свои товары. Государственный капитализм, который вводится у нас, отнюдь не явится помехой в деле налаживания торговых сношений, и к тому же, сначала наряду с этим капитализмом, а далее и без него — без этого последнего пережитка капиталистического строя, — вольное строительство народной жизни позволит нам связаться экономическими взаимоотношениями с чужеземными народами.

Будет ли на западе революция или не будет ее, во всяком случае мы должны сохранить сделанные революцией завоевания и, развив те здоровые начала, которые в ней заложены, отбросить многочисленные пережитки старого общественного строя.

А. Аринов.

Последнее стихотворение товарища Бориса Верхнеустинскего.

Наш товарищ анархист поэт Борис Верхнеустинский умер в г. Смоленске от сыпного тифа. Как бы предчувствуя смерть, он привез в наш секретариат сборник стихов и сборник статей, прося их напечатать. Не прошло и двух месяцев со дня его от'езда, как нас известили о его смерти и передали нам стихотворение, которое он начал писать перед заболеванием, но не успел кончить. Вот это стихотворение:

На этот белый лист
Для вас, товарищи, я начертаю:—

Превыше всех есть имя анархист,
Прекрасней имени не знаю.
Орлу крылатому мы—братья и друзья
И наш полет сверхгорный прямо к цели,
О, как мала равнинная земля!..

Если победит буржуазия...

„Имущество (то-есть богатые),—говорит Иоганн Шерр,—будет безжалостным победителем и в неслыханной оргии мести отомстит за вынесенный страх. Горе будет побежденным. Ничего нет невозможного, даже очень вероятно, что неимущие попадут опять под иго крепостного права и в несказанном рабстве приклонят выи к земле".

„Буржуазия... готовится противопоставить народному потоку силу и жестокость, так как она не знает и не хочет знать других средств,—говорит П. А. Кропоткин,—она будет сопротивляться до последней возможности и пожертвует жизнью ста, двухсот тысяч рабочих, жизнью 50.000 женщин и детей, чтобы поддержать свое господство. Она не остановится ни перед какими жестокостями и избиениями. Она это доказала в 1790 г. на Марсовом поле, в 1831 году—в Лионе, в 1848 и в 1871 г. г. в Париже. Чтобы спасти свой капитал и оставить за собой право предаваться праздности и порокам, эти люди пойдут на все".

От Секретариата.

Благодаря техническим причинам не удается наладить выпуск более чем 2-х номеров „ВОЛЬНОЙ ЖИЗНИ" в течении месяца.

Просим товарищей—членов В. Ф. А. К., которые не ответили еще на печатное письмо секретариата,—поспешить ответом.

Товарищей, желающих получать „Вольную жизнь", просим указать количество экземпляров, которое надо высылать и уплатить деньги за высланные экземпляры или уведомить о числе непроданных экземпляров.

Адрес редакции и конторы „Вольной жизни": Москва, 1-й Дом Советов. Комната 219, А. А. Карелину.

ИЗВЕЩЕНИЕ.

Лица и группы, интересующиеся предполагаемым издательством, „ЛЮБОВЬ И ПРАВДА", организуемым мною на кооперативных началах, благоволят обращаться к Андрею Михайловичу Антоновичу. Действующая Красная Армия. Культ.-Просвет. Политотдела 15-й Армии.

Библиографический указатель.

Г. Д. Борзна. Апология анархизма (государственного нигилизма) Петроград 1917 г.

В. Э. Письмо анархиста брату рабочему. М. 1917 г. Библ. № 16, ц. 20 к.

В. Э. Идеи революционного анархизма среди французского пролетариата (в той же брошюре, что и „анархия" Андре Жирара) ц. 12 к. Изд. Солидарность.

Век ожидания. Сборник. М. 1907 г. Книгоизд. „Зеленый луг" (статьи Кропоткина, Гайдамакова, Бакунина и Этьевана).

Волин. (**В. М. Эйхенбаум**) Революция и анархизм (Сборник статей) Изд. Книг. „Набат" 1919 г. 127 стр. Ц. 10 р.

Гио Поль. Анархизм в Соединенных Штатах (Вместо предисловия „Анархия" Элизе Реклю). „Будущее" Ежемесячный журнал. 1906 г. № 1.

Григорий Вольный-Общинник. Как надо устроить крестьянское хозяйство? Петр. 1918 г. ц. 75 к.

Голод, невежество и страх. Изд. Издательских Групп Анархистов. Г. Одесса, 1918 г.

Горский. Война и крушение старого мира. Изд. Голоса Анархиста. Петр. 1918 г. ц. 15 к.

„ За что борятся анархисты? Петр. Изд. „Голос Анархиста" 1918 г. ц. 15 к.

Гордин Бр. Почему или как мужик попал в страну „Анархия"? Библ. Анар. № 16. М. 1917 г.

„ Сочинения разных названий, которые считаются анархическими.

Грав Ж. Осуществим ли анархический идеал? Правда без прикрас. М. 1917 г. Издание группы освобожденных политических. Ц. 20 к.

„ Умирающее общество и анархия М. Изд. „Бунтарь" 1917 г. и типография Теодор Дортман. М. 1917 г.

„ Будущее общество. Издание „Голос Труда". Петербург. 1919 г. стр. 289. ц. 15 р.

„ Две раны.

„ Гнет машины.

Гюйо М. Иррелигиозность будущего. Изд. Знание.

„ Очерк морали.

Как попы поработили народ учением Христа. Изд. союза пропаганды анарх. идей. Стр. 24, ц. 30 к. Изд. изд. группы „Голоса Труда" Нью-Иорк 1916 г. Изд. изд. группы анархистов г. Одессы. Ц. 30 к. Одесса. 1918 г.

Карелин А. Закон, его сущность и значение для общественной жизни. 1914 г. Изд. группы „Вольный Труд" из „Братства Вольных Общинников".

„ Государство и анархисты. Из. „Бунтарь" 1918 г. Москва. стр. 93.

„ Чикагские мученики. Изд. Петрогр. об'единенных групп анархистов-коммунистов „Свободная Коммуна". 1917 г.

„ Как русские крестьяне землю и волю добывали. М. 1918 г. Изд. „Бунтарь".

„ Уроки Парижской Коммуны. Книг. Анарх.-Ком. „Светлая Звезда" М. 1919 г. Стр. 48. Ц. 2 р.

„ Жизнь и деятельность М. А. Бакунина. М. 1919 г. Изд. Всерос. Федерации Анархистов Коммунистов. Стр. 56. Ц. 7 р.

„ Россия в 1930 году. Изд. „Светлая Звезда". 1918 г. Ц. 1 р. 50 к.

„ Манифест Анархистов-Коммунистов. Изд. „Бунтарь" 1918 г. М.

„ Вольная деревня. Изд. „Вунтарь" М. 1918 г. (Почти тоже—

заграничное издание Вольная деревня. Изд. „Народные Листки“ № 4 1909 г.).

Карелин А. Фабрики—народр. М. 1919 г. Изд. Всер. Федер. А. К. Ц. 1 р. 30 к. (почти то же—в заграничном издании „Фабрики—народу“. Народные Листки № 2 1909 г.).

„ Как жили и как будут жить крестьяне. М. 1919 г. Изд. Всер. Фед. А. К. Ц. 80 к. (значительно измененная брошюра А. Карелина, изданная заграницей: „Не будет на Руси ни холодных, ни голодных. Народные Листки 1909 г. № 3).

„ Что такое анархия? (Заграничное издание).

„ Рабочее дело. (Заграничное издание).

„ Письмо старого рабочего. Нью-Иорк. П. Сергеев.

„ Друзья и враги крестьян. А. Соколов. Изд. русской раб. группы в Нью-Иорке.

„ К молодым рабочим. Изд. союза русских рабочих в Нью Иорке.

„ Солдатская служба. Народные Листки 1909 г. (Заграничное издание).

„ Задачи социальной революции. Б. (Заграничное издание).

„ Вольный Город. Б. (Заграничное издание).

„ С‘умеют ли рабочие обойтись без хозяйской власти? А. Р, (Сборник „За мир“).

„ Земельная программа анархистов Коммунистов. А. Кочегаров. Изд. Листков „Хлеб и воля“ Лондон 1912 г. Стр. 51. Ц. 2 ·пенса.

Консе Анатоль. Черные зовы. Поэзы. Изд. Киев. Ассоц. Своб. Анарх. Ц. 3 р. 50 к.

Кропоткин П. А. Записки революционера. Собр. соч. Т. 1-й. с предисловием Г. Брандеса. Изд. 3 Типогр. Сытина. 1918 г. Ц. 6 р. 50 к.

„ Хлеб и воля. (Много разных изданий. Тоже сочинение под заглавием „Завоевание хлеба“).

„ Речи бунтовщика (Несколько изданий..Тоже сочинение под заглавием „Распадение современного строя“. Вып. 1 Лондон. Ц. 7 с половиной пенсов).

„ Поля, фабрики и мастерские.

„ Взаимная помощь, как фактор эволюции. М. 1918 г. Научно-анархическая библиотека Ц. 6 р.

„ Великая французская революция 1789—1793 г. Собр. сочин. т. 2 М. Ц. 9 р. 1918 г.

„ В русских и французских тюрьмах.

„ Идеалы и действительность русской литературы.

„ Ссылка в Сибирь. С. Пет. 1906 г. (Собр. соч. кн. П. Кропоткина № 2).

„ Великая революция (брошюра) Библиотека Анархиста № 9. М. 1917 г.

„ Безначальный коммунизм и экспроприация. Биб. Анар. № 11. М. 1917 г. Стр. 32. Ц. 30 к.

„ Современная наука и анархизм. 1901 и 1906 г. г. (загр. изд.).

„ Новый Интернационал. Петроград. 1917 год. Изд. Союза Анархо-синдик. Пропаг. Ц. 10 к.

„ Русская революция и анархизм.

21-я Типография Полиграфического Отдела Моск. Город. Сов. Нар. Хоз. (б. Желудковой), Большая Якиманка, 32.